

# Олег Ефремов: «Меня обвиняли в развале Советского Союза»

Уже несколько месяцев нет с нами **Олега Николаевича Ефремова**, основателя знаменитого «Современника», главного режиссера МХАТа им. Чехова, президента Фонда Станиславского, председателя Чеховской комиссии Академии наук. Тысячам зрителей Ефремов был дорог как замечательный актер, сыгравший в фильмах «Живые и мертвые», «Айболит-66», «Берегись автомобиля!», «Война и мир», «Здравствуй и прощай», «Сочинение ко Дню Победы» и многих других. Его герои подавали пример мужества и человеколюбия. Смерть Ефремова — огромная потеря для российской культуры. Сегодня мы публикуем одно из последних интервью мастера, данное им корреспонденту «СКН».

— Олег Николаевич, какое место в вашем творчестве занимает кино?

— Я люблю сниматься. Во время съемок я отдыхаю. Нет ответственности, такой, как в театре. Ведь человек безумно устает, когда есть ответственность. И всю страну я узнал через кино: много ездил, много интересных людей встретил; но то, что я был занят на съемках, мешало театру, требовало много времени. Поэтому в кино я много упустил, приходилось отказываться.

— Ваш любимый фильм?

— «Мама вышла замуж» — с Лусией Овчинниковой. И «Берегись автомобиля».

— Когда-то вы снимались с Татьяной Дорониной в фильме «Три тополя на Плющихе», теперь она возглавляет другую половину расколовшегося МХАТа. Какие у вас с ней отношения?

— При встрече раскланиваемся...

— Театр тяжело пережил раскол?

— Я человек покладистый, никогда никого не хочу обижать. Но у нас была ненормальная по величине труппа, и поначалу разделение было мирным. Для меня мирным, но у многих осталась обида. Я чувствовал огромную агрессивность со стороны этих людей. И против меня стали использоваться старые методы...

— Склоки, доносы?

— Ну, про доносы что теперь говорить? Это ладно... Но сразу стали собирать

партийные собрания, меня даже обвиняли в развале Советского Союза. Якобы подал пример. Глупость какая-то. Ну... это определенные люди... Как с ними потом можно было работать? А труппа была гигантская. Даже не знал иногда, кого как зовут.

— Вы создатель «Современника», и многие сожалели, что вы ушли во МХАТ. Болезненно было оторваться от своего детища?

— Начиная с 1904 года, Станиславский стал создавать студии. Одной из них руководил Мейерхольд, другой — Вахтангов, третьей — Сулержицкий, четвертой — Михаил Чехов. Потом эти студии стали самостоятельными театрами, но основны-



«Берегись автомобиля»

вались они на школе Художественного театра. И «Современник» возник из недр школы-студии МХАТ. Мои соученики Гая Волчек, Олег Табаков составили ядро «Современника», потом пришли актеры с других курсов. «Современник» развивался. Но к этому моменту во МХАТе стало совсем плохо. Он обжоркратился. И мне было предложено возглавить его. Предложили мхатовские «старички». Помню, мы собрались, ели клубнику, и я сразу поставил вопрос, что могу придти к ним только с «Современником». И все «старички» дали согласие. Я сразу пошел к своим, но они сказали: «Нет, МХАТ — это труп». Ночь мы не расходились, сутки я их уговаривал, но они были неумолимы. Я

был в затруднении. Фурцева, министр культуры, попросила меня согласиться. Я не сказал тогда «да», но не сказал и «нет». А в итоге уже почти тридцать лет возглавляю этот театр.

— Вы снимались в «Берегись автомобиля» с Иннокентием Смоктуновским. Вы были дружны? Почувствовал ли театр его утрату?

— Смоктуновский только в последнее время работал во МХАТе, но, конечно, это большая потеря. Когда он был в театре, была планка. Да и по-человечески он был очень светлый.

— Вы режиссер, но иногда играете в спектаклях, которые сами поставили. Не мешает ли то, что нет режиссерского глаза со стороны?

— Так получилось со спектаклем «Борис Годунов». Артист, который должен был играть главную роль, в последний момент отказался. Роль не такая большая, но трудная. А в смысле режиссуры... Есть ведь мои товарищи.

— Когда в вашей жизни возникло понятие — ТЕАТР?

— Я коренной москвич. Недалеко от Сивцева Вражка был особняк с садом — дом одного из основателей МХАТа, актера и режиссера Василия Васильевича Лужского. Когда мне было 6 лет, мой приятель привел меня в этот особняк к Перепетее Александровне Лужской — вдове знаменитого актера. Все звали ее Перетта. К ней в дом приходили интересные люди, актеры и режиссеры МХАТа. Ребенком я проводил в этом особняке много времени. Позже стал посещать театральную студию Дома пионеров, но не потому, что успел полюбить театр, а потому, что там были девочки. А в 1945 году поступил в школу-студию МХАТ, которую организовали в 1943 году, в самый разгар войны.

— Сын гордится вами?

— В детстве, когда он хулиганил, то кричал: «Да я сын Ефремова!». Я его отучил так говорить.

— Теперь пришла пора гордиться сыном?

— Ну, не гордиться... Я доволен своими детьми и внуками. У меня, кроме Миши, дочь Анастасия. Она на шесть лет



«Продлись, продлись, очарованье...»

старше брата, закончила театроведческий факультет. Имею уже шесть внуков.

— Вас не пытались политически ангажировать?

— При советской власти я был в Верховном Совете СССР, но Союз распался, и я стараюсь быть вне политики.

— Почему, на ваш взгляд, люди опять пошли в театры?

— Потому, что им надоело наблюдать по телевидению, как в Думе депутаты дерутся. Хотя это тоже театр, но другой — политический. Что самое трудное в реформах? Существовать в условиях рынка. Начинается жульничество, мошенничество. Так везде в мире. Но у нас особенно. Такой коррупции, как сейчас, по моему, нигде никогда не было. Спекуляция стала главным орудием обогащения, а не поднятие производства. Чиновников сейчас гораздо больше, чем было во всем Советском Союзе. Вот где наши деньги.

— То есть мы их кормим?

— Конечно. И чеченская война, и военнопromышленный комплекс съедают наш бюджет.

— Что сейчас, по-вашему, надо предпринимать в области культуры?

— Считаю, что надо крепить связи театров разных стран. Нам, российским художникам сцены, сейчас трудно, но должна быть всемирная корпорация театров. Язык искусства понятен всем.

Интервью взяла Надежда РЕПИНА